

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2026.13.1.1>

EDN: KATQNB

Д.В. ШТЫКОВ¹

¹ Институт экономических исследований Дальневосточного
отделения РАН
680042, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153

БИОГРАФИИ ГУБЕРНАТОРОВ РОССИИ 1991–2025 ГГ. В ДИСПОЗИЦИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: РЕКРУТИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу губернаторского корпуса России (1991–2025 гг.) как динамической группы в социальном пространстве. На основе базы данных, включающей 433 биографии глав регионов, в работе применяется структурно-биографический метод в рамках теоретической модели Пьера Бурдьё. Исследование реконструирует многомерный топологический портрет губернатора-агента через анализ конфигурации его капиталов (социального, политического, символического), а также пространственных и демографических диспозиций. Динамический и сравнительный характер метода позволил выявить ключевые этапы трансформации типа регионального руководителя. Показано, что доминирующая в 1990-е гг. фигура партийного функционера эволюционировала к модели регионального администратора-технократа, рекрутируемого преимущественно через государственную исполнительную власть. Одновременно выявлена тенденция к постепенному социальному закрытию элиты, выраженная в росте доли губернаторов, чье происхождение сконцентрировано в административных центрах. Установлено, что консервативная семейная модель (практически всеобщая брачность и высокая доля многодетного отцовства) служит стратегией

накопления символического капитала и формирования публичного образа. Делается вывод о трансформации губернаторства из политической субъектности в статус менеджера, интегрированного в вертикаль власти и реализующего общегосударственные задачи, что знаменует возврат к традиционной для России модели регионального управления как составной части единой внутренней политики.

Ключевые слова: губернаторы, политическая элита, социальное пространство, региональная власть, рекрутирование элит, федерализм в России.

Для цитирования: Штыков Д.В. Биографии губернаторов России 1991–2025 гг. в диспозициях социального пространства: рекрутирование и трансформации // Власть и элиты. 2026. Т. 13. № 1. С. 7–32. <https://doi.org/10.31119/pe.2026.13.1.1>. EDN: KATQNB.

ВВЕДЕНИЕ

Исполнительная власть в регионах России остается, по сути, прямым продолжением государственной политической власти, даже, несмотря на установленный в Конституции признак федерализма. Исторически сложилось, что региональное управление в Российской Империи было сословным, а следом в СССР — монопартийным, т.е. в диспозиции политического пространства глава региона всегда находился в прямой зависимости от центральной власти и был связан с ней иерархическими отношениями.

Хотя с 1991 г. в ряде субъектов Российской Федерации (а с 1996 г. — почти повсеместно) стали проводиться выборы, важной частью электорального процесса по-прежнему оставалась политическая связь с главой государства. При назначении на должность или оказании поддержки на выборах федеральная власть нередко ориентировалась на отношение кандидата к ГКЧП, к событиям 3–4 октября 1993 г., пропрезидентской партийно-блоковой принадлежности либо личной преданности Б.Н. Ельцину.

Поскольку новая политическая система России в тот период только формировалась, избиратели также воспринимали выборы через призму отношения к федеральной власти, голосуя либо за ее кандидата, либо против него (протестное голосование). Эта бинарная логика сохранилась и после возобновления выборов в 2012 г.

При этом можно согласиться с точкой зрения некоторых исследователей, которые полагают, что с 1996 г. «региональный уровень власти уходит от осязаемой части контроля со стороны президента» [10, с. 30]. Однако данное явление, вероятно, связано с общей политической слабостью центра, а не с развитием демократических институтов. В этом же контексте не стоит недооценивать влияние местных элит — носителей экономического, социального, политического, культурного, символического капитала в регионах. Именно в плоскости выбора между лояльностью к федеральной политике и к личным или групповым интересам формировалась дальнейшая практика назначения или поддержки лиц, которые становились главами субъектов Российской Федерации (далее — губернаторы).

Некоторые исследователи [7, с. 25, 26, 29] ссылаются на массовую критику в литературе укрепления вертикали власти после 2001 г. (появление правовых основания для лишения глав субъектов должности президентом без указания причин, отмена выборов и др.). Если позицию правоведов можно понять, поскольку она опирается на специфический понятийный аппарат, то аргументы, основанные на идеях политического плюрализма, требуют осторожного рассмотрения, т.к. данная концепция тесно связана с определенными политико-культурными традициями. Как будет показано далее, исходя из карьерных траекторий, региональная исполнительная власть в России после 2001 г. постепенно вернулась к своему традиционному статусу — составной части общегосударственной внутренней политики. Данный тезис созвучен с результатами исследований: О.Д. Рейтер и Р. Туровский на материале 2005–2020 гг. показывают, что вероятность отставки губернатора прежде всего связана с электоральными показателями региона [12]. Эти выводы подтверждают наблюдение о трансформации губернатора от политика или хозяйственника-собственника к региональному администратору-технократу, чья ключевая функция заключается в реализации общегосударственной политики и решении управленческих задач в рамках единой «вертикали».

Хотя данное исследование не претендует на принципиальную новизну, оно, благодаря применению иных методических подходов, продолжает изучение губернаторского корпуса России как динамической системы. В этом и заключается актуальность постоянного научного

внимания к данной проблематике. Н.В. Колесник и Д.Б. Тев, обосновавшие важность биографического анализа, зафиксировали высокую степень закрытости региональных элит для выходцев из низших слоев и тенденцию к плутократизации уже на ранних этапах постсоветского периода [6]. А.М. Флягин, проследив эволюцию портрета губернатора от советского хозяйственника к современному менеджеру, сделал акцент на неуклонном росте доли выходцев из бизнеса и усилении влияния федерального центра, что выразилось в росте числа «варягов» [10]. А.С. Быстрова на материалах выборов 2018 г. подтвердила тенденцию омоложения корпуса и смену профиля образования новых губернаторов [3]. Новизна данного исследования заключается не только в количественной верификации трендов рекрутирования губернаторов на полной выборке за 34 года с выделением когортных различий. Если Колесник и Тев, а затем и Флягин фиксировали нарастающую плутократизацию как устойчивый тренд, то автор показывает, что для когорт губернаторов, родившихся в 1970–1980-е гг., этот канал практически закрыт, поскольку необходимо прохождение через бюрократический «фильтр».

Кроме того, в исследовании выявляется связь между семейными стратегиями (многодетность) и накоплением символического капитала в российской региональной элите. За методологический базис исследования взято социальное пространство в понимании Пьера Бурдьё, — часть социального поля, т.е. «многомерного пространства позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значения которых коррелируют с соответствующими различными переменными» [2, с. 16].

Метод структурно-биографического анализа для формирования топологического портрета губернатора как агента в социальном пространстве будет исходить из системной реконструкции его позиции на основе анализа ключевых диспозиций. Анализ включает социальный капитал (воспроизводимый через происхождение, семейное положение, отцовство и реализуемый в карьерной траектории), политический капитал (анализ рекрутирования из системы власти, включая работу в исполнительных и представительных органах), символический капитал (прежде всего, отношение к КПСС как к форме институционализированной легитимности, конвертируемой в политический капитал), а также демографические диспозиции (пол и возраст как

объективные параметры, задающие социальные возможности и ограничения). Критически важными для данного исследования являются географическая привязка (место рождения, связь с регионом управления) и анализ миграционных траекторий, позволяющие определить позицию агента в пространстве.

Отдельного внимания требуют источники информации. Работа с личной информацией существенно затруднена режимом правовой защиты персональных данных. С одной стороны, сбор и обработка таких данных правомерны для научной деятельности в статистических и исследовательских целях (п. 8 и п. 9 ч. 1 ст. 6 ФЗ № 152-ФЗ от 27.07.2026)¹, для чего использовались источники публичной информации (данные с официальных сайтов государственных органов, средства массовой информации «Российская газета», «ТАСС», открытые биографические базы и энциклопедии, некрологи, личные интервью). С другой стороны, верификация публичных данных через доступ к первичным источникам фактически невозможна без самого согласия лица либо его наследников. Поэтому при интерпретации результатов подобных исследований необходимо учитывать существующую погрешность.

В выборку попали 433 персоналии губернаторов с 1991 по 2025 гг. в актуальных границах федеральных округов России на декабрь 2025 г. В связи с тем, что О.Н. Кожемяко, Н.И. Меркушкин, А.В. Цыбульский, В.А. Толоконский, А.Г. Хлопонин, В.П. Муха, Э.Э. Россель, С.С. Собянин, Ю.Е. Лодкин, В.А. Барабанов, О.И. Бетин, Н.Д. Егоров, С.И. Меняйло, Д.В. Паслер, Р.Э. Гольдштейн, А.А. Турчак занимали должности в нескольких субъектах либо в одном, но в разное время, количество позиций в разных подсчетах может варьироваться до значения в 451.

ИСХОДНЫЕ ДИСПОЗИЦИИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СТАРТОВЫЙ КАПИТАЛ

Происхождение губернаторов выступает ключевым параметром их социального капитала. Выборка формировалась по нескольким критериям: место рождения (см. табл. 1 и 2), является ли губернатор уроженцем региона и макрорегиона (в границах 2025 г.), происхождение

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 07.07.2025).

ние его родителей. К категории «столица» отнесены Москва, Ленинград, столицы бывших республик СССР, столицы иностранных государств. Отдельно собиралась информация по административным центрам регионов как точкам сосредоточения политического, социального и культурного капитала. Под общим обозначением «села» объединены поселения различных типов: поселки городского типа, поселки, села, деревни, станицы и т.п.

При этом важно учитывать, что в своем образе административный центр региона по объему экономического капитала может заметно уступать, например, промышленному центру Урала, который формально относится к категории «город». В то же время доступ к образованию

Таблица 1 (Table 1)

**Статус населенного пункта при рождении
по федеральным округам (абс. и %)**
Status of the locality at birth by federal district (abs. and %)

	ДФО	ПФО	СЗФО	СКФО	СФО	УрФО	ЦФО	ЮФО	Всего
Столица	5	5	10	0	4	0	9	1	34
%	7,81	7,58	16,39	0,00	6,67	0,00	9,68	3,03	7,76
Центр региона	20	12	17	5	16	7	25	7	109
%	31,25	18,18	27,87	14,71	26,67	25,93	26,88	21,21	24,89
Город	16	7	13	9	14	9	18	10	96
%	25,00	10,61	21,31	26,47	23,33	33,33	19,35	30,30	21,92
Села	23	42	19	20	26	11	41	15	197
%	35,94	63,64	31,15	58,82	43,33	40,74	44,09	45,45	44,98
Неизвестно	0	0	2	0	0	0	0	0	2
%	0,00	0,00	3,28	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,46

Примечание. Здесь и далее расчеты приводятся на основе собственной базы данных автора, сформированной из публичных источников (433 персональные карточки, см. Введение).

Note. From here on, calculations are based on the author's own database, compiled from public sources (433 personal cards, see Introduction).

и культурным ресурсам у ребенка, выросшего в сельской местности, во времена СССР мог быть сопоставим с возможностями его сверстника из отдаленного спального района Москвы. Например, с одной стороны, территориальная близость учреждениям культуры не гарантирует их регулярного посещения каждым горожанином. С другой стороны, благодаря высокой социальной мобильности и развитой транспортной системе СССР, жители даже небольших населенных пунктов не были лишены возможности систематически бывать в таких заведениях.

Кроме того, необходимо принимать во внимание масштабную внутреннюю миграцию населения в советский период, поэтому делать однозначные выводы, опираясь исключительно на место рождения без учета других факторов, следует с большой осторожностью.

Действительно, как отмечает А.М. Флягин [10], в соответствии с выделенными им этапами, наблюдается значительное сокращение доли губернаторов, родившихся в сельской местности (в 1,7 раза). В данной работе был проведен альтернативный расчет — по десятилетиям рождения губернаторов, который также демонстрирует аналогичную тенденцию к снижению (см. табл. 2, рис. 1).

Таблица 2 (Table 2)

Статус населенного пункта при рождении по десятилетиям (абс. и %)
Status of the Locality at Birth by Decade (abs. and %)

	20-е	30-е	40-е	50-е	60-е	70-е	80-е	Всего
Столица	0	4	3	5	7	11	3	33
%	0,00	7,02	3,26	4,42	8,64	16,18	16,67	7,66
Центр региона	0	9	18	25	21	27	9	109
%	0,00	15,79	19,57	22,12	25,93	39,71	50,00	25,29
Город	0	8	17	27	21	18	3	94
%	0,00	14,04	18,48	23,89	25,93	26,47	16,67	21,81
Села	2	36	54	56	32	12	3	195
%	100,00	63,16	58,70	49,56	39,51	17,65	16,67	45,24

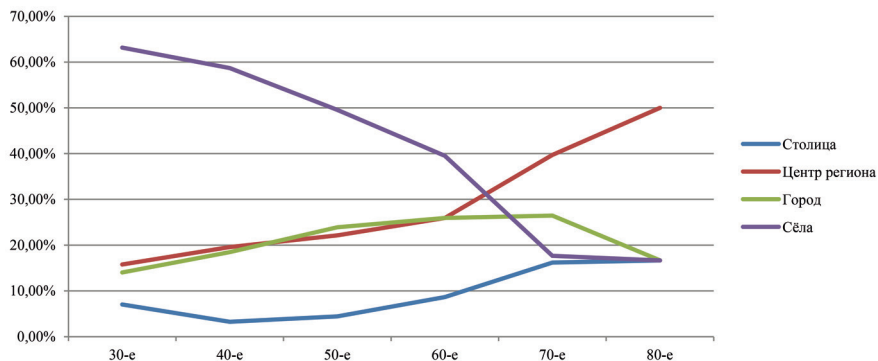

Рис. 1. (Fig. 1). Статус населенного пункта при рождении по десятилетиям (%)
Status of the locality at birth by decade (%)

При этом необходимо учитывать, что с 1939 по 1989 гг. численность городского населения в РСФСР возросла с 37,9 млн (34 %) до 108,4 млн человек (74 %), т.е. в 2,8 раза, в то время как сельское население сократилось с 72,17 млн до 38,9 млн человек (в 1,8 раз) [8, с. 32–33]. За тот же период наблюдался устойчивый миграционный прирост в городах (42,6 млн человек [Там же, с. 176]), а с 1960 (ранее статистика не приводится) по 1989 гг. фиксировалась миграционная убыль сельского населения (6 млн человек [Там же, с. 179]). В этих условиях нельзя ожидать сохранения доли уроженцев сельской местности и можно заключить, что выявленное сокращение объясняется миграционными процессами в РСФСР и естественным ростом городского населения.

Помимо географического происхождения, важным элементом стартового капитала является социальный статус родителей губернаторов (см. табл. 3). Около трети из них относились к категории рабочих, крестьян и служащих (в таблице — «рабочие»), заметную долю составляют военные. Данные о родителях более чем половины губернаторов автором не найдены (в таблице — «неизвестно»). Это может объясняться как фрагментарностью доступных биографических сведений, так и тем, что социальное положение родителей не стало ключевым фактором, определившим совокупность капиталов губернатора и его позицию в социальном поле.

Сведения о принадлежности к высшей номенклатуре и случаях nepотизма носят единичный характер. В то же время доля губернато-

Таблица 3 (Table 3)

Происхождение родителей (общие данные) (абс. и %)

Parental Origin (General Data) (abs. and %)

	Рабочие	Военные	Неизвестно	Номенклатура	Региональные элиты
Количество	131	29	235	6	32
%	30,25	6,70	54,27	1,39	7,39

ров, чьи родители входили в региональную партийную номенклатуру или местные элиты (в таблице — «региональные элиты»), уже является значимой и демонстрирует рост среди поколений, родившихся в 1970–1980-е гг. (см. табл. 4, рис. 2).

Таблица 4 (Table 4)

Происхождение родителей по десятилетиям (абс. и %)

Parental Origin by Decade (abs. and %)

	20-е	30-е	40-е	50-е	60-е	70-е	80-е	Всего
Рабочие	2	21	24	37	25	20	2	131
%	100,00	36,84	26,09	32,46	30,49	29,41	11,11	30,25
Военные	0	0	8	9	7	5	0	29
%	0,00	0,00	8,70	7,89	8,54%	7,35	0,00	6,70
Региональные элиты	0	1	2	6	7	12	4	32
%	0,00	1,75	2,17	5,26	8,54	17,65	22,22	7,39
Номенклатура	0	0	0	0	3	2	1	6
%	0,00	0,00	0,00	0,00	3,66	2,94	5,56	1,39
Неизвестно	0	35	58	62	40	29	11	235
%	0,00	61,40	63,04	54,39	48,78	42,65	61,11	54,27

Даже с учетом наблюдаемого роста пока преждевременно говорить о сильном влиянии стратегии воспроизводства капитала, поскольку губернаторы в целом остаются его обладателями в первом поколении. Однако в перспективе такое влияние становится вполне прогнозируе-

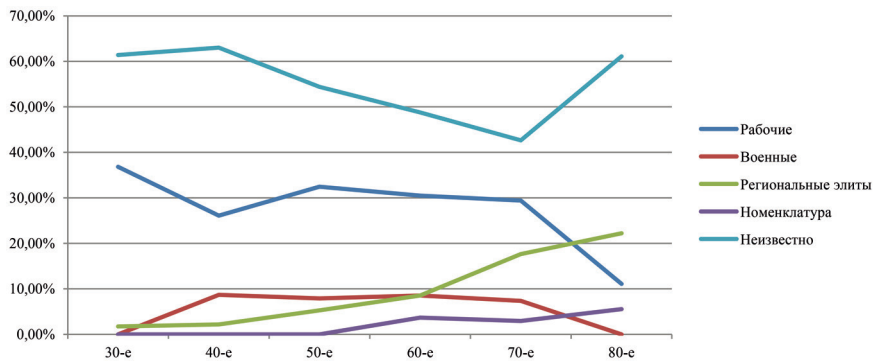

Рис. 2. (Fig. 2). Происхождение родителей по десятилетиям (%)
Parental Origin by Decade (%)

мым для глав субъектов, родившихся после 1991 г. Это связано с тем, что в условиях капиталистического общества экономический, политический и символический капитал концентрируется преимущественно в физическом (городском) пространстве. В советский период население с разным социальным статусом расселялось относительно равномерно вокруг производственной, административной и культурной инфраструктуры, т.е., иными словами, директор завода, учительница, врач и рабочий могли жить в одном подъезде, а их дети фактически имели одинаковые стартовые позиции. В современных рыночных условиях городское пространство все заметнее разделяется на «богатые» центры и «бедную» периферию, соответственно, именно в этих центрах концентрация капиталов будет «воспроизводить» губернаторов с большей вероятностью, что демонстрирует тенденция роста выходцев из административных центров регионов (см. рис. 1).

Данные о том, является ли губернатор уроженцем своего региона, приведены на рисунке 3 (см. рис. 3). Наименьшие показатели зафиксированы в Северо-Западном, Дальневосточном, Центральном и Сибирском федеральном округах. Следует отметить, что существенное влияние на процент СКФО оказала депортация народов в советский период. Реальная доля уроженцев могла быть значительно выше, поскольку часть губернаторов, этнически связанных с регионом, родились в местах высылки — среднеазиатских республиках СССР.

Анализ данных по регионам будет неполным без учета того, является ли губернатор уроженцем соответствующего макрорегиона — федерального округа (см. рис. 4). В процентном соотношении в лидеры выходят Уральский (74,07 %) и Северо-Кавказский (70,59 %) федеральные округа, тогда как большинство остальных макрорегионов превышают 50 % порог, за исключением Северо-Западного федерального округа (34,43 %).

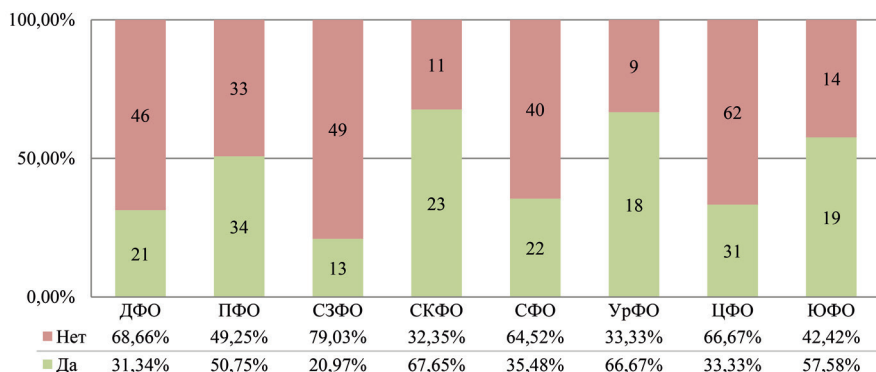

Рис. 3. (Fig. 3). Уроженцы региона среди губернаторов по федеральным округам (абс. и %)
 Natives of the Region among Governors by Federal Districts (abs. and %)

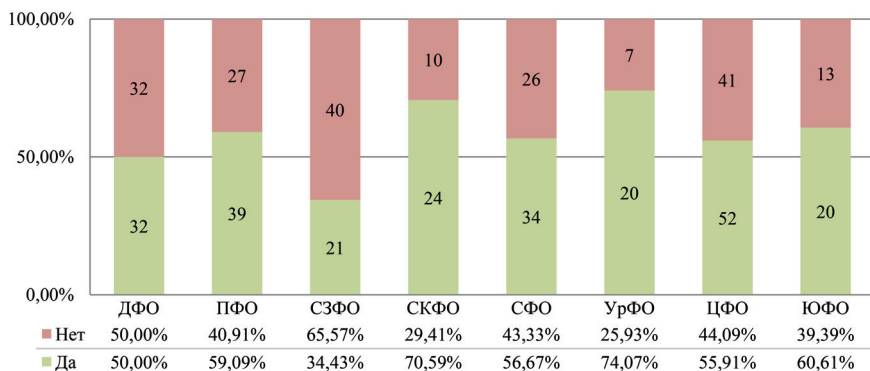

Рис. 4. (Fig. 4). Уроженцы макрорегиона среди губернаторов по федеральным округам (абс. и %)
 Natives of the Macroregion among Governors by Federal Districts (abs. and %)

Если рассмотреть статистику, в каких регионах родилось больше всего будущих губернаторов, то два уральских региона также сильно выбиваются на общем фоне — 18 из Москвы, 12 из Краснодарского края, 10 из Санкт-Петербурга, Челябинской и Свердловской области. По абсолютным значениям можно говорить о значительном числе «столичных» губернаторов, однако в процентном соотношении ко всему корпусу — это 4,1 % и 2,2 % для Москвы и Санкт-Петербурга соответственно, что примерно соответствует доле их населения в общей численности жителей страны. В то же время формирование социальных диспозиций в среде промышленных центров Урала оказывает соизмеримое со «столичным» влияние на получение соответствующего статуса.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАПИТАЛОВ: ОТ КПСС К «ПАРТИИ ВЛАСТИ». КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ

Важным элементом карьерного пути к губернаторскому статусу являлось отношение к КПСС и комсомолу либо обладание социальными и символическими диспозициями, тесно связанными с одобрением со стороны коммунистической партии. Сведения о принадлежности к КПСС не собиралась для лиц, родившихся после 1970 г. Прямые указания на то, что губернатор никогда не состоял в КПСС, носят единичный характер, в большинстве случаев такая информация отсутствует — 6,10 %. Прямые данные о членстве в КПСС относятся к 60,47 % выборки. Участие в комсомоле и работа в комсомольских организациях отмечены у 3,49 %. Еще 27,91 % составляют лица, о чьем партийном статусе нет прямых сведений, но в советский период они занимали должности, где членство в КПСС активно поощрялось (руководители предприятий, научные сотрудники и др.); они отнесены к категории «вероятно». Отдельную категорию, составляющую 2,03 %, образуют кооператоры — лица с зафиксированным опытом предпринимательства в конце 1980-х гг.

Несмотря на то, что указом Ельцина деятельность компартии РСФСР была приостановлена в августе 1991 г. и КПСС фактически прекратило свое существование, ее бывшие члены сохранили накопленный социальный, политический и символический капитал и про-

должили внутригрупповую борьбу за власть и экономические ресурсы. Эта борьба, которая наложилась на общую слабость центральной власти, способствовала усилению центробежных тенденций. Параллельно переход к системе рыночных отношений, затяжной экономический кризис и институциональная коррупция привели к уменьшению доверия населения к государственной власти [1, с. 8].

Победу Путина на президентских выборах в 2000 г. с результатом 52,94 % и в 2004 г. — 71,31 % можно трактовать, по сути, как электоральное выражение культурного мема о «плохих боярах». У центра она вызвала соответствующую реакцию — расширение президентских полномочий в ущерб принципу федерализма, а затем и отмену выборов губернаторов.

Анализ системы рекрутирования глав регионов не подтверждает тезис о растущей «плутократизации власти» [10, с. 35]. Здесь нельзя игнорировать системный кризис 1990-х гг., в котором институциональная коррупция и плутократизация действительно играли ключевую роль. Однако если рассматривать динамику изменений с 2001 по 2025 г., становится очевидной трансформация структуры политической ориентации, лояльности и приоритетов. Фактически губернаторы перестали выполнять роль политиков, превратившись в региональных «менеджеров». Вне зависимости от личных политических взглядов или принадлежности, глава субъекта обязан использовать свою должность для решения региональных проблем и выполнения общегосударственных внутривластных задач (например, «майских указов»), а не в качестве политической или лоббистской платформы. Воплощение этого подхода привело к созданию в 2017 г. «Школы губернаторов» (обучение в которой прошли более 50 глав регионов и не менее 5 федеральных министров) и в дальнейшем проектов «Время героев» и «Лидеры России. Политика»¹.

Проверкой на прочность этой системы стало массовое и беспрецедентное введение персональных санкций, в результате которых

¹ Кремль отложил набор в «школу губернаторов». Из-за чего приостановили набор на главную программу подготовки кадров // Эксклюзивы РБК [электронный ресурс]. 12.03.2025. Дата обращения 01.12.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/03/2025/67cec9a29a7947dba1ec6b77>.

после 2014 и 2022 гг. губернаторы и их семьи оказались под экономическим и политическим давлением со стороны иностранных государств. При этом ключевая цель этих санкций — дестабилизация внутривнутриполитической ситуации — достигнута не была.

Еще одним подтверждением этих выводов служит анализ карьерных траекторий губернаторов, при котором данные о рекрутировании собирались на основе статуса, занимаемого непосредственно до назначения. К категории «госкомпании» отнесены руководители и топ-менеджеры государственных корпораций и организаций. Эта группа объединена с руководителями предприятий советского периода ввиду схожести их положения. Отдельно в категории «бизнес» учитывались миллиардеры, владельцы бизнеса и высший менеджмент частных компаний. Также выделена группа военных и сотрудников органов госбезопасности.

Таблица 5 (Table 5)

Карьерные траектории (абс. и %)
Career Trajectories (abs. and %)

	20-е	30-е	40-е	50-е	60-е	70-е	80-е	Всего
Исполнительная власть России и РСФСР	0	1	6	23	12	23	5	70
%	0,00	1,67	6,52	19,17	13,64	32,39	27,78	15,52
Представительная власть России и РСФСР	0	10	18	17	17	12	1	75
%	0,00	16,67	19,57	14,17	19,32	16,90	5,56	16,63
Исполнительная власть региона	0	25	40	44	32	25	11	177
%	0,00	41,67	43,48	36,67	36,36	35,21	61,11	39,25
Представительная власть региона	0	13	20	19	9	6	1	68
%	0,00	21,67	21,74	15,83	10,23	8,45	5,56	15,08

Окончание табл. 5 (The end of table. 5)

	20-е	30-е	40-е	50-е	60-е	70-е	80-е	Всего
Госкомпания и предприятия СССР	0	3	2	4	8	2	0	19
%	0,00	5,00	2,17	3,33	9,09	2,82	0,00	4,21
Бизнес	0	1	2	5	8	1	0	17
%	0,00	1,67	2,17	4,17	9,09	1,41	0,00	3,77
Военные и госбезопасность	0	1	1	2	1	0	0	5
%	0,00	1,67	1,09	1,67	1,14	0,00	0,00	1,11
Власть СССР	2	2	2	1	0	0	0	7
%	100,00	3,33	2,17	0,83	0,00	0,00	0,00	1,55
Иные	0	4	1	5	1	2	0	13
%	0,00	6,67	1,09	4,17	1,14	2,82	0,00	2,88

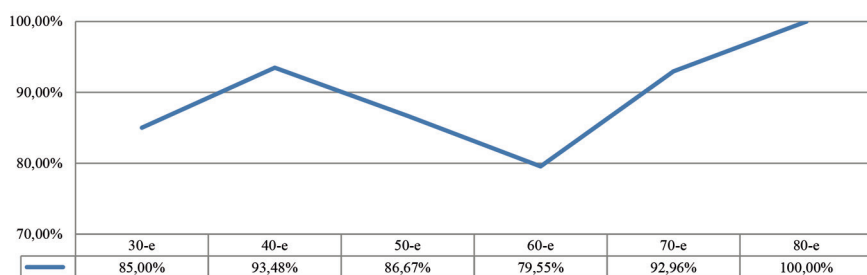

Рис. 5. (Fig. 5). «Выходцы из власти» (%)
 State Power Backgrounds (%)

Как видно из таблицы 5, пик доли прямых выходцев из бизнеса, бизнес-менеджмента и госкомпаний приходится на губернаторов, родившихся в 1950–1960-е гг. (см. табл. 5). Среди родившихся в 1970-е гг. такие случаи практически не встречаются (всего 3 представителя), а в когорте 1980-х гг. они полностью отсутствуют. Система выстраивается таким образом (см. рис. 5), что для получения

статуса губернатора необходимо сначала войти в другие органы власти (причем для лиц, родившихся в 1980-е гг., предпочтительным каналом является именно исполнительная власть). И лишь после прохождения этого «фильтра» можно претендовать на должность главы субъекта.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ КАК ПУБЛИЧНЫЙ РЕСУРС: СЕМЬЯ И МНОГОДЕТНОСТЬ

В исследовательской литературе стало притчей во языцех тема крайне малого присутствия женщин в губернаторском корпусе России (на 2025 г. — 1,85 %). Утверждение, что в Советском Союзе у женщин было больше возможностей участия в работе органов государственной власти на руководящих должностях, нежели в современных условиях [10, с. 31], представляется преждевременным, т.к. в рамках подобных исследований не анализируется частота появлений женщин в исполкомах регионов СССР. Кроме того, с учетом количества губернаторов, которые в силу возраста не только не могли занимать руководящие посты до 1991 г., но и не успели сформировать политические диспозиции в партийной и комсомольской системе (89 человек), чисто статистически среди лиц, родившихся после 1970 г., в настоящее время должно быть не более 1-2 женщин-губернаторов. И действительно, на 2025 г. их две, однако в условиях ничтожно малой доли причина низкого представительства женщин явно не связана именно с современными политическими условиями.

Здесь стоит упомянуть еще один аспект — частота браков и количество детей у губернаторов. Сбор данных осуществлялся по следующим параметрам: наличие сведений о браке (состоит в браке, разведен / разведена, вдовец / вдова); наличие сведений об отсутствии брака; отсутствие какой-либо информации о брачном статусе (см. табл. 6). Что касается детей, то учитывались следующие категории: наличие детей; многодетность (трое и более детей, включая достигших совершеннолетия); бездетность; отсутствие информации (см. табл. 7). Поскольку эти сведения относятся к личной информации, они собирались и представляются в полностью обезличенной форме.

Таблица 6 (Table 6)

Брак по федеральным округам (абс. и %)
Marital Status by Federal District (abs. and %)

	ДФО	ПФО	СЗФО	СКФО	СФО	УрФО	ЦФО	ЮФО	Всего
Состоит в браке	57	58	56	33	56	26	80	32	396
%	89,06	87,88	91,80	97,06	93,33	96,30	86,02	96,97	90,83
Отсутствие брака	0	0	0	0	0	0	0	0	0*
%	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Отсутствие сведений	7	8	5	1	4	1	13	1	40
%	10,94	12,12	8,20	2,94	6,67	3,70	13,98	3,03	9,17

Примечание. *Есть всего три противоречивых упоминания об отсутствии брака, но по ряду косвенных признаков они отнесены в другие категории.

Note. *There are only three contradictory mentions regarding the absence of marriage, but based on a number of indirect indicators, they have been assigned to other categories.

Таблица 7 (Table 7)

Дети по федеральным округам (абс. и %)
Children by Federal District (abs. and %)

	ДФО	ПФО	СЗФО	СКФО	СФО	УрФО	ЦФО	ЮФО	Всего
Наличие детей	35	45	47	15	34	18	57	25	274
%	54,69	68,18	77,05	44,12	56,67	66,67	61,29	75,76	62,84
Многодетность	18	11	10	18	21	7	23	6	114
%	28,13	16,67	16,39	52,94	35,00	25,93	24,73	18,18	26,15
Бездетность	0	0	0	0	0	0	0	0	0
%	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Отсутствие сведений	11	10	4	1	5	2	13	2	48
%	17,19	15,15	6,56	2,94	8,33	7,41	13,98	6,06	11,01

Строка «Отсутствие сведений» в таблицах 9 и 10 содержит высокие показатели, что объясняется фрагментарностью публичных биографических сведений о многих губернаторах 1990-х гг. (см. табл. 9 и 10). Повторный расчет, представленный в таблицах 8 и 9, показывает, что пробелы в данных в основном относятся к губернаторам, родившимся в 1930–1950-е гг. Наиболее наглядно эта тенденция отражена на рисунке 6, составленном на основе таблицы 9 (см. рис. 6).

Таблица 8 (Table 8)

Брак по десятилетиям (абс. и %)
Marital status by decade (abs. and %)

	20-е	30-е	40-е	50-е	60-е	70-е	80-е	Всего
Состоит в браке	2	44	75	109	81	65	17	393
%	100,00	77,19	81,52	95,61	98,78	95,59	94,44	90,76
Отсутствие брака	0	0	0	0	0	0	0	0
%	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Нет сведений	0	13	17	5	1	3	1	40
%	0,00	22,81	18,48	4,39	1,22	4,41	5,56	9,24

По сообщению Татьяны Голиковой, в 2024 г. число многодетных семей в России достигло 2,4 млн. Она также отмечает, что в стране проживает около 30 млн детей, входящих в состав 24,5 млн семей.¹ Таким образом, доля многодетных семей составляет примерно 10 %. Согласно переписям населения 2002 и 2010 гг., этот показатель в домохозяйствах равнялся 6,6 % и 7,0 % соответственно [5, с. 110]. Хотя в законодательной и бытовой практике многодетными обычно признаются семьи с несовершеннолетними детьми и прямые сравнения с приведенной выборкой не совсем корректны, стоит все же обратить внимание на крайне высокий показатель многодетного отцовства.

¹ Гусенко М. Татьяна Голикова. Число многодетных семей в России достигло 2,4 миллиона // Российская газета [электронный ресурс]. 26.04.2024. Дата обращения 01.12.2025. URL: <https://rg.ru/2024/04/26/tatiana-golikova-chislo-mnogodetnyh-semej-v-rossii-dostiglo-24-milliona.html>.

Причем для губернаторов, которые родились в 1960–1970-е гг., этот показатель составляет 43–47 %. В последующих когортах он снижается до среднего уровня по выборке (26,67 %). Однако следует учитывать, что речь идет о мужчинах, которым в 2025 г. было 36–45 лет. В силу того, что еще около двадцати лет сохраняются фертильный возраст и возможность оформления опекуна, доля таких мужчин в категории многодетных родителей может в дальнейшем возрасти.

Таблица 9 (Table 9)

Дети по десятилетиям (абс. и %)
 Children by decade (abs. and %)

	20-е	30-е	40-е	50-е	60-е	70-е	80-е	Всего
Наличие детей	1	36	64	81	43	29	11	265
%	50,00	63,16	69,57	71,05	53,09	50,88	73,33	63,40
Многодетность	1	7	9	24	35	27	4	107
%	50,00	12,28	9,78	21,05	43,21	47,37	26,67	25,60
Бездетность	0	0	0	0	0	0	0	0
%	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Нет сведений	0	14	19	9	3	1	0	46
%	0,00	24,56	20,65	7,89	3,70	1,75	0,00	11,00

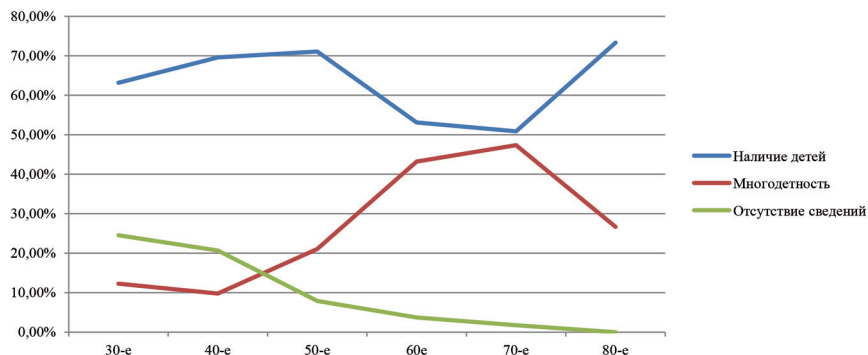

Рис. 6. (Fig. 6). Дети по десятилетиям (%)
 Children by decade (%)

Таким образом, лица, становившиеся или становящиеся губернаторами, в целом обладают социальным капиталом, который соответствует стратегии сохранения и воспроизводства совокупности капиталов посредством создания семьи: регистрации брака (за исключением редких и противоречивых упоминаний, типа «холостяк»), отцовства и, с высокой вероятностью, многодетного отцовства. Ранее исследователи обращали внимание на то, что многодетность, а также активная практика усыновления широко распространены в среде состоявшихся и публичных семей России (руководители, предприниматели, «звезды») [4, с. 114].

При расчете среднего возраста по годам не ставилась задача определять точный биологический возраст губернатора на каждый момент пребывания в должности, поскольку при регулярной периодичности смены статуса это не имеет принципиального значения. За основу бралось количество полных лет на дату получения или продления статуса, которое затем распределялось на весь соответствующий срок. Как видно по рисунку 7, средний условный возраст губернатора по годам варьируется в относительно узком диапазоне — примерно от 48 до 52 лет (см. рис. 7), а динамику изменения можно применять к разным подходам выделения этапов.

Возраст первого вступления на губернаторскую должность в основном находится в диапазоне от 41 до 55 лет (см. рис. 8). Также примечательно, что пиковые значения смещены вправо, а число губернаторов, впервые получивших статус до 35 лет и после 61 года, практически одинаково — 20 и 18 случаев соответственно.

Н.Л. Пушкарева и И.М. Пушкарева, делая выборку женщин из представителей федеральной исполнительной и представительной власти, а также лидеров несистемной оппозиции, отмечают, что

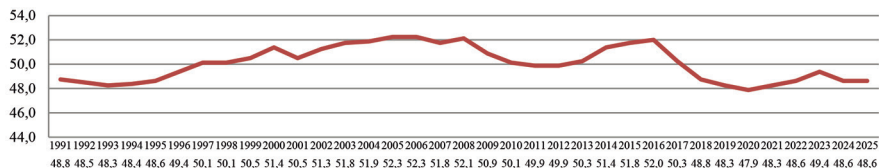

Рис. 7. (Fig. 7). Средний возраст губернатора (лет)
Average Age of Governors (years)

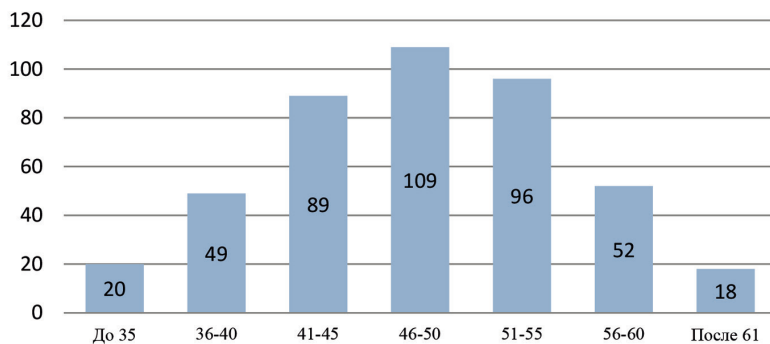

Рис. 8. (Fig. 8). Распределение возрастов (лет)
Age distribution (years)

женщины-политики идут к высоким постам через высшее образование, замужество, материнство, решив другие жизненные задачи в среднем в возрасте 38 лет [9, с. 237]. С точки зрения возрастного критерия, это не создает препятствий для вхождения женщин в губернаторский корпус.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование на основе структурно-биографического анализа в рамках теории социального пространства Пьера Бурдьё позволило реконструировать эволюцию губернаторского корпуса России как динамической социальной группы за период 1991–2025 гг.

Результаты анализа исходных диспозиций подтверждают, что происхождение губернаторов служит значимым индикатором их стартового социального капитала, структура которого исторически изменчива. Основной тенденцией является последовательное сокращение доли выходцев из сельской местности — процесс, воспроизводящий общероссийскую урбанизацию и миграционные тренды советского периода. При этом наблюдается постепенный рост значимости региональных административных центров как мест формирования будущей элиты. Социальный статус родителей для большинства губернаторов остается неопределенным или относится к категориям рабочих, крестьян и служащих, что указывает на сохранение каналов вертикальной мобильности. Однако рост доли губернаторов, чьи родители входили в региональную номенклатуру или элиту, среди поколений

1970–1980-х гг.р. позволяет прогнозировать усиление стратегии воспроизводства капитала и возможное социальное закрытие элиты для последующих когорт. Таким образом, стартовый портрет губернатора соответствует модели «советского социального лифта», которая начинает трансформироваться в модель накопления и передачи капитала в рамках элитных групп.

Анализ карьерных траекторий губернаторов демонстрирует системную трансформацию источников легитимности и каналов рекрутирования региональной элиты. Доминирующая роль партийно-комсомольского капитала как ключевого символического ресурса для когорт, сформировавшихся в советский период, сменилась новой логикой. После периода переходной плутократии и усиления центробежных тенденций 1990-х гг. происходит консолидация модели, в которой преобладает путь через государственную административную службу, прежде всего через исполнительную власть. Пик назначений выходцев из «невластных» позиций пришелся на поколения 1950–1960-х гг.р., тогда как для когорт 1970–1980-х гг. этот канал практически закрыт. Формируется система, требующая прохождения «фильтра» в виде карьеры в органах власти с последующим идеологическим и управленческим доктринированием в институтах типа «Школы губернаторов», «Время героев» и т.п. Таким образом, фигура губернатора эволюционирует от политика или хозяйственника-собственника к статусу регионального администратора-технократа, чья ключевая функция заключается в реализации общегосударственной политики и решении управленческих задач в рамках единой «вертикали». Губернатор в этой системе выступает не как политический представитель региона в центре, а как ответственный агент центра в регионе.

Анализ демографических и личностных характеристик губернаторов позволяет составить устойчивый социальный профиль. Его ключевыми элементами являются: преобладание мужчин, что в силу статистических закономерностей не объясняется возрастным составом когорт; консервативная семейная модель, сочетающая всеобщность официальных брачных союзов и высокий уровень многодетного отцовства, что можно рассматривать как стратегию накопления символического капитала и социальной устойчивости; возрастная стабильность, при которой средний возраст нахождения в должности

колеблется в узком коридоре 48–53 года, а вступление в должность преимущественно происходит в период 41–55 лет. Эти параметры формируют портрет губернатора не только как администратора, но и как носителя традиционных социальных ценностей, что становится частью его публичного образа и легитимирующего ресурса в рамках современной политической системы.

Таким образом, портрет российского губернатора к середине 2020-х гг. складывается в образ технократа-администратора, чьи социальные диспозиции формируются в рамках государственной служебной иерархии, а легитимность обеспечивается сочетанием управленческой эффективности, демонстративной лояльности и консервативного социального габитуса. Исследование подтверждает, что изменения в губернаторском корпусе являются не случайным набором черт, а закономерным отражением более глубоких трансформаций социального и политического пространства России, в котором происходит переучреждение традиционных иерархий в новых институциональных и символических формах.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Штыков Дмитрий Владимирович — соискатель, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН. **Телефон:** +7 (4212) 725-225. **Электронная почта:** asdert_feo@mail.ru.

Research Article

DMITRII V. SHTYKOV¹

¹ The Economic Research Institute, Far-Eastern Branch of the RAS
153, Tihookeanstaya st., 680042, Khabarovsk, Russia

BIOGRAPHIES OF RUSSIAN GOVERNORS, 1991–2025: IN THE DISPOSITIONS OF SOCIAL SPACE: RECRUITMENT AND TRANSFORMATIONS

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the gubernatorial cohort of Russia (1991–2025) as a dynamic group in social space. Based on a database comprising 433 biographies of regional heads, the study employs a structural-biographical method within the theoretical framework of Pierre Bourdieu. The research reconstructs a multidimensional topological portrait of the governor-agent through an analysis of the configuration of their capital forms: social, symbolic,

spatial, and biological. The dynamic and comparative nature of the method enabled the identification of the key stages in the transformation of the regional leader type. It is shown that the figure of the party functionary, dominant in the 1990s, evolved into a model of a regional administrator-technocrat, recruited primarily through the state executive branch. Simultaneously, a trend toward gradual social closure of the elite is revealed, manifested in the growing proportion of governors whose origins are concentrated in administrative centers. It is established that a conservative family model (near-universal marriage rates and a high prevalence of large-family fatherhood) serves as a strategy for accumulating symbolic capital and the formation of a public image. The study concludes that governorship has transformed from a political subjectivity into the status of a manager integrated into the vertical power structure and implementing nationwide tasks, which signifies a return to Russia's traditional model of regional governance as an integral component of unified domestic policy.

Keywords: governors, political elite, social space, regional authority, elite recruitment, federalism in Russia.

For citation: Shtykov D.V. Biographies of Russian governors, 1991–2025 in the dispositions of social space: recruitment and transformations. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2026. Vol. 13. No. 1. P. 7–32. <https://doi.org/10.31119/pe.2026.13.1.1>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii V. Shtykov — applicant, The Economic Research Institute, Far-Eastern Branch of the RAS. **Phone:** +7 (4212) 725-225. **E-mail:** asdert_feo@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Белов В.В. Распространение коррупции в системе органов государственной власти России: этапы и проблемы борьбы в 1992–2000 гг. Автореферат дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.02. М., 2008. 19 с. EDN: ZNWHRZ.
Belov V.V. *Rasprostranenie korruptsii v sisteme organov gosudarstvennoi vlasti Rossii: etapy i problemy bor'by v 1992–2000 gg. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk.*: 07.00.02. [The spread of corruption in the system of public authorities in Russia: stages and problems of struggle in 1992–2000. Abstract of the dissertation. ... Candidate of Historical Sciences: 07.00.02]. Moscow, 2008. 19 p. (In Russ.)
2. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.

- Bourdieu P. Sociologie de l'espace social. [Russ. ed.: *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva*. Transl. from French N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteyya, 2005. 576 p.]
3. Быстрова А.С. Отставки и выборы 2018 г.: обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей // Власть и элиты. СПб.: Интерсоцис, 2018. Т. 5. С. 331–359. EDN: YTSRFR.
Bystrova A.S. Resignation and election of 2018: update governors, pool recruiting and career of new characters. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2016. Vol. 5. P. 331–359. (In Russ.)
 4. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с. EDN: PVCCDB.
Gurko T.A. Brak i roditel'stvo v Rossii [Marriage and parenthood in Russia]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2008. 325 p. (In Russ.)
 5. Дорофеева З.Е. Многодетные семьи, домохозяйства и семейные ячейки: социологический анализ понятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2000. № 2 (58). С. 109–114. EDN: WIVFQA.
Dorofeeva Z.E. Large families, households and family units: sociological analysis of concepts. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. Series: Social sciences*. 2020. No. 2. P. 109–114. (In Russ.)
 6. Колесник Н.В., Тев Д.Б. Биография элиты: Возможности социоструктурного анализа // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 76–84. EDN: KHQVRD.
Kolesnik N.V., Tev D.B. Biography of the elite: Possibilities of sociostructural analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2009. No. 6. P. 76–84. (In Russ.)
 7. Кондрашев А.А. Отрешение от должности губернатора Президентом Российской Федерации в связи с утратой доверия за коррупционные правонарушения и ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей: проблемы теории и практической реализации // Lex russica. 2020. Т. 73. № 3. С. 20–32. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.160.3.020-032>. EDN: JYCVTA.
Kondrashev A.A. Removal from office of a governor by the President of the Russian Federation due to loss of confidence for corruption offenses and improper performance of his duties: problems of theory and practical implementation. *Lex russica*. 2020. Vol. 73. No. 3. P. 20–32. (In Russ.)
 8. Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. М.: Госкомстат России, 1998. 222 с.

- Naselenie Rossii za 100 let (1897–1997): Stat. sb. [Population of Russia for 100 years (1897–1997): Statistical collection]. Moscow: Goskomstat of Russia, 1998. 222 p. (In Russ.)
9. Пушкарева Н.Л., Пушкарева И.М. Возраст, количество детей и активность женщин в российской политике // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 226–241. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.113>. EDN: ADBQXI.
Pushkareva N.L., Pushkareva I.M. Age, number of children and activity of women in Russian politics. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of St. Petersburg University. History*. 2023. Vol. 68. No. 1. P. 226–241. (In Russ.)
10. Флягин А.М. Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов. 1991–2019 гг. // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14. № 1. С. 29–39. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-29-39>. EDN: XSHLGY.
Flyagin A.M. How the portrait of the Russian governors has changed: Analyzing biographies of the heads of Russian regions. 1991–2019. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya = Bulletin of Perm University. Political Science*. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 29–39. (In Russ.)
11. Хлынин А.П. Трансформация губернаторского корпуса в современной России: 2013–2023 гг. // Социология. 2023. № 3. С. 188–196. EDN: EAEWVX.
Khlynin A.P. Transformation of the governor's corps in modern Russia: 2013–2023. *Sotsiologiya = Sociology*. 2023. No. 3. P. 188–196. (In Russ.)
12. Reuter O.J., Turovsky R.F. Vote mobilization, economic performance and gubernatorial appointments in Russia. *Russian politics*. 2022. Vol. 7. No. 2. P. 183–209. <https://doi.org/10.30965/24518921-00604017>.